

4. Морозова, И. В. Классификация информационных электронных образовательных ресурсов [Электронный ресурс] / И. В. Морозова. – Режим доступа: www.mari.ito.edu.ru/2013/. – Дата доступа: 04.11.2017.

5. Обращаясь к старому, открывать новое... : тр. преп. и сотр. Беларус. гос. ун-та культуры и искусств 2005–2015 гг. : библиогр. указ. / Беларус. гос. ун-т культуры и искусств ; сост.: Е. М. Приходько, Т. В. Ишутина. – Минск : БГУКИ, 2015. – 182 с.

6. Осин, А. В. ЭОР нового поколения: открытые образовательные модульные мультимедийные системы [Электронный ресурс] / А. В. Осин. – Режим доступа: www.window.edu.ru>resorce/271/45271/files/. – Дата доступа: 17.10.2017.

*М. А. Коденев, старший преподаватель
кафедры межкультурных коммуникаций
Белорусского государственного университета
культуры и искусств*

КАРТЫ ТАРО КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ИСТОРИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Академическое исследование долгое время оставляло в стороне изучение феноменов, которые мы бы сейчас отнесли к категории оккультного, мистического, эзотерического (порой даже употребляя эти термины как синонимы). В XX в. было два значительных поворота в изучении «отверженного знания»: деятельность клуба «Эранос», который тяготел, скорее к феноменологической и юнгианской трактовке проблемы и сциентистский подход к оккультным феноменам, в рамках социологии оккультного в 1970-е гг. Во втором случае, феномены, связанные с оккультизмом и эзотеризмом, рассматривались изначально как неправильные по сравнению с научным знанием и трактовались как результаты десакрализации в рамках процесса секуляризации, либо напротив, ресакрализации и трансформации религии [2, с. 249–250]. Культурологический подход, на наш взгляд, рассматривает феномены, относящиеся к эзотерической традиции, как специфическое проявление социально оформленного маргинального знания, имеющего свою историю и функцию в формировании знания легитимного. Концепция «мусорной корзины истории» (термин Марчелло Труцци и Джеймса Уэбба) дает возможность изучить «вы-

тесненные» из западной культурной традиции формы знания, дополняя традиционные историю культуры и историю идей. Иными словами, то, о чем в какой-либо культуре молчат, говорит об этой культуре порой не меньше, чем то, о чем говорят все. Значительно возросший интерес к западной эзотерической традиции среди историков культуры и религиоведов обусловлен, помимо увлечения этим феноменом массовой культурой, еще и частичным отказом от позитивистской парадигмы исследования знания в культуре и попыткой выяснить роль «отверженного», маргинального знания в становлении европейского типа рациональности. Карты таро, которым посвящено данное сообщение – часть европейской эзотерической традиции и, с недавнего времени, часть современной массовой культуры.

Описательно, карты таро представляют собой колоду из 78 карт со специфическими изображениями, структурно и иерархически разделенные на две части: 56 младших карт (Минорных Арканов) и 22 Высших Аркана. Минорные арканы, подобно обыденным игральным картам, разделены на 4 масти (мечи, жезлы, кубки и монеты, или пентакли), в каждой из которых содержится 14 карт от 1 до 10, а также Король, Королева, Рыцарь (Всадник) и Паж (Валет). Высшие Арканы состоят из карты Шут (в традиции считающейся нулевой, хотя были исключения) и 21 пронумерованной карты со сложными символическими изображениями и устоявшимися названиями (напр. Император, Императрица, Отшельник, Влюбленные, Колесо Фортуны, Умеренность, Дьявол и др.). Именно причудливые символические изображения на Мажорных Арканах дают простор разнообразным интерпретациям и «пробуждает у гадающего связанный с ней [картинкой] сюжет с учетом расклада карт» [1, с. 13].

Происхождение карт таро остается доподлинно неизвестным, многие эзотерики считают их появление мистическим откровением Гермеса, древней тайной традицией подлинного знания, древней египетской мудростью и т. д. Более академически настроенные исследователи фиксируют вполне неэзотерическое происхождение карт таро, известных в европейской культуре примерно с 15 в. Историки Хелен Фарлей и Майкл Дамметт отмечают, что у нас нет данных, говорящих об ок-

культурно-мистическом использовании карт таро до 15 в. Скорее всего, они изначально использовались для вполне светской настольной игры [5, с. 13]. Возможно эти карты использовались как гадальные, но, скорее, перед нами процесс использования атрибутов светской игры для мантических практик, чем секуляризация изначально сакральных предметов. Использование карт таро в качестве элементов мистического или дивинаторного знания связано с именем протестантского пастора и масона Атуана Курта де Жебелина, предложившего в 80-е гг. 18 в. идею египетского происхождения карт, выходящих за пределы простой игры и описывающих универсальное устройство мира во всех его проявлениях. После двух эссе о месте таро в истории магии и оккультизма Жебелина, его идеи подхватили Жан-Батист Альетт (известный больше под псевдонимом Эттейлла), Мари Анна Аделаида Ленорман и далее множество авторов и практиков из масонской, розенкрейцерской, иллюминатской среды, вплоть до Элифаса Леви, Жерара Энкоссе (Папюс) и деятелей XX в., таких как Артур Эдвард Уэйт, Петр Успенский, Григорий Мебес, Алистер Кроули [4]. В ходе интерпретаций карты таро связывались с тайной мудростью Древнего Египта, откровением Гермеса Трисмегиста, системой сфирот иудейской каббалы и буквами иудейского алфавита, нумерологией и астрологией. К XX в. карты ассоциировались уже не просто с игрой, не просто с символическими иллюстрациями аллегорий жизни и даже не с инструментом для гаданий, но с компендиумом мудрости «тайного знания», использовались для инициатических ритуалов различными тайными обществами, магического пути души и, в конце концов, как ключ к открытию собственных внутренних способностей.

Майк Состерик в своей статье «Социология таро» отмечает, что интерес к таро (начиная с Жебелина и Эттейллы) как сокровищнице оккультных тайн совпадает с эпохой Великих Революций и Просвещения отнюдь не случайно. С его точки зрения, эзотерические и, в частности, инициатические масонские сообщества задают новую организационную модель власти и правящей элиты взамен старой патриархально-церковной и в своих институциональных стратегиях пытаются конвертировать людей в новый социальный порядок, больше соответствующий новому типу сообщества – буржуазному [6, с. 366].

Связь оккультных интерпретаций карт таро, понятых как «энциклопедии» тайного знания и рационалистического духа эпохи Просвещения, подчеркивает и украинский исследователь Руслан Халиков [3, с. 165].

Огромный толчок к реинтерпретации образов карт таро дала аналитическая психология К. Г. Юнга. Подобно тому как Юнг реабилитировал символику и язык европейской алхимии, связав стадии алхимического процесса с процессом индивидуации, так и его последователи видят в символике карт таро герменевтический способ построения собственной внутренней идентичности на основании архетипических образов. Тарологи юнгианской школы рассматривают работу с таро чаще всего в эзотерическом ключе как интуитивный инсайт в собственное бессознательное и индивидуальное толкование и программирование собственной судьбы (отсюда и попытка рационально объяснить предсказательную силу раскладов). Следует отметить, что предсказательная функция таро фактически растворяется в психолого-терапевтической, вплоть до некоторых редких случаях, до полного игнорирования эзотерической и мистической составляющей карт. Такая герменевтическая стратегия легла в основу использования современных метафорических карт, секуляризованных по символическому содержанию изображений и методам истолкования, но уходящая корнями в практики чтения и интерпретации таро.

Таким образом, мы можем выделить несколько способов восприятия карт таро в истории культуры: 1) как набор для игры, имеющей развлекательный характер; 2) как аллегорическое изображение жизни, имеющее моральный и созерцательный характер; 3) как набор карт для предсказания и гадания; 4) как символическое изображение «тайного знания»; 5) как часть инициатических практик приобщения к эзотерическому знанию и овладению скрытыми магическими силами; 6) как набор архетипических изображений для практик психологической трансформации и самоактуализации. Некоторые из названных функций карт таро вполне совмещаются в единую синкретическую систему их восприятия. На примере культурной истории карт таро мы можем наблюдать как процесс сакрализации секулярного феномена, так и процесс секуляризации сакрального и превращения его в элемент массовой культуры.

1. Каплан, С. Р. Классика Таро. Происхождение, история, гадание / С. Р. Каплан ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М. : Центрполиграф, 2004. – 207 с.

2. Тирикьян, Э. К социологии эзотерической культуры / Э. Тирикьян // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – № 4 [31]. – 2013. – С. 247–275.

3. Халиков, Р. Х. Рефлексия над таро как продукт просветительского мировоззрения / Р. Х. Халиков // Мистико-эзотерические движения в теории и практике. «Тайное и явное»: многообразие репрезентаций эзотеризма и мистицизма: сб. материалов Четвертой междунар. науч. конф. (2–4 дек. 2010 г., Днепропетровск) / под ред. С. В. Пахомова. – СПб., 2011. – С. 158–166.

4. Decker, R. Dummet, M. A history of the occult Tarot, 1870–1970 / R. Decker, M. Dummet. – London : Duckworth, 2002. – 379 p.

5. Farley, H. A cultural history of Tarot / H. Farley. – London : I. B. Tauris, 2009. – 270 p.

6. Sosteric, M. A sociology of tarot / M. Sosteric // Canadian Journal of Sociology. – № 39 (3). – 2014. – P. 357–391.

Е. Ю. Козленко,

*кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры библиотечно-информационной
деятельности Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БИБЛИОТЕК ПО ПОДГОТОВКЕ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ: УСЛОВИЯ И ИННОВАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ

Биобиблиография, биобиблиографические ресурсы в современной социокультурной ситуации вызывают повышенный интерес как у библиотечных специалистов, так и непосредственно у персоналий и коллективов, заинтересованных в своей представленности в информационных системах, у органов государственной власти, общественных структур, стимулирующих формирование и отражение совокупного интеллектуально-творческого потенциала страны.

В настоящее время активное изучение биобиблиографических ресурсов осуществляется в контексте технологий ме-